

Олег Петров

КОЛЬТ
45-го калибра

ПОВЕСТЬ

с.о. 12732

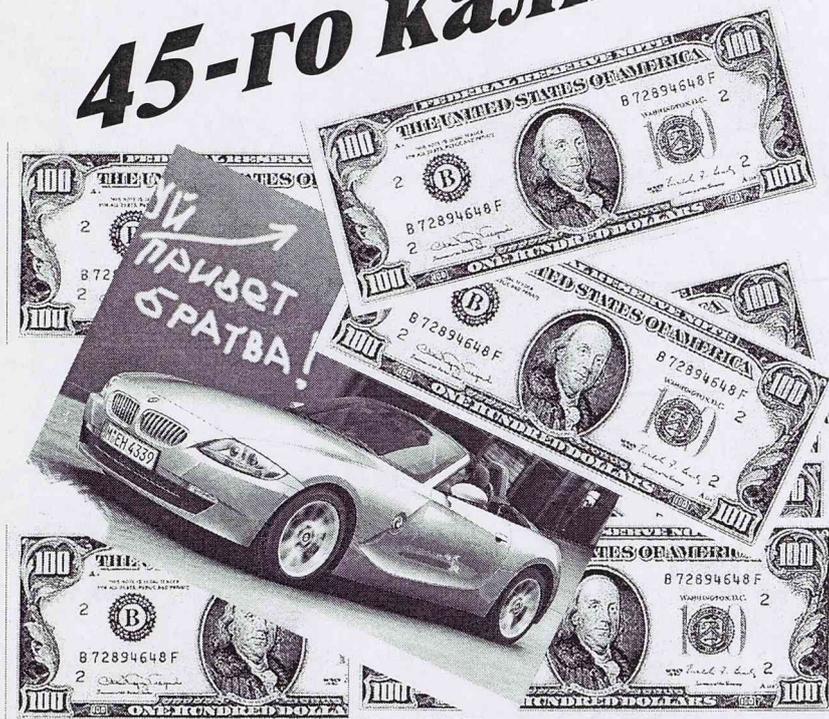

Олег Петров

ПОВЕСТЬ

КОЛЬТ 45-го калибра

Чита 2007

К 84(2=Рус)7

1730

УДК 882
ББК 84 (2=РУС) 7
П 30

П 30

О. Петров

КОЛЫТ 45-го КАЛИБРА. Повесть – Чита: Творческая группа «Союз Искусств», 2007. – 112 стр.

Бурные 1990-е... Какими они были, как порой причудливо извивались судьбы, превращаясь из обычных в уродливые или трагические. В основу детективной повести положены реальные факты криминальной жизни Читы 1991-1993 гг. Впервые «Колыт 45-го калибра» увидел свет в издававшемся в столице Забайкалья еженедельнике криминальной хроники «Набат» и вызвал многочисленные отклики читателей, потребовавших продолжения истории. Так появилась вторая часть «Имя им – легион». В настоящем издании повесть публикуется полностью.

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ
КРАЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А.С. Пушкина

2.0. 12732

ФОНД
краеведения

© Все права защищены законом
об авторском праве.
Использование материалов
возможно только с письменного
разрешения автора.

© Петров О., 2007

2015

Я Бога спросил и услышал в ответ:
— Есть дьявол в Чите, а вот Господа нет.

Михаил Вишняков

Глава 1

ДЕНЬ выдался — сплошная круговерть и нервотрепка. Говорил же, с этим объектом в Дарасуне будут только одни неприятности. Так и вышло. Заказчик дышал ядом и по большому счету был прав. И с возведением самой коробки они затянули, и зря связались с этой армянской бригадой. «Ары» работали быстро, но качество... Еле уболтал сегодня заказчика, чтобы не ломился в суд, пообещал солидную скидку при окончательном расчете. Мда-с, трудный разговор предстоит на правлении... А еще и с машиной... Хоть кол на голове теши тезке своему непутевому! Ну, Шурик... Правильно говорят, есть водители, а есть ездуны! Пришлось нынче, как бедному студенту, из Дарасуна на электричке...

— Слышь, мужик, закурить не найдется?

Три темные фигуры спешили следом.

— Да не курю я уже лет восемь! — в сердцах выкрикнул он и, сам не зная почему, побежал.

Его догнали в хорошем спортивном темпе.

— Здоровье бережешь? Молодец, — ухмыльнулся самый плотный из подбежавших. — Лоскутников Александр Петрович?

— Ну, я, — он сразу успокоился, перестало ухать в груди. — Шутки у вас, хлопцы...

— Шутки мы любим, — вновь отозвался плотный.

— Но сэгодня шутить нэ будэм! — Второй из троицы догнавших внезапно выхватил показавшийся Лоскутникову огромным пистолет и больно ткнул им Александра Петровича в щеку. — Гавары, пес!

— Да чего вам надо! — Сердце опять ухнуло вниз. — Чего вы хотите?!

— Дядя, — вмешался в разговор третий, самый молодой из троицы, хотя и остальным до тридцатилетнего рубежа было еще далеко. — Долги за вашей фирмочкой. На счетчике стоите, аль запамятовал? Придется с нами прогуляться.

— Не понял...

— Нэ круты, урод! Двигаай, собака! — Пистолетный ствол раскровянил Лоскутникову подбородок.

— Уйми своего черножопого приятеля! — хрипло крикнул Лоскутников плотному. — Волчары! Втроем на одного да еще с пукалкой!

— Ти чи-то про мэня ска-а-за-ал, сын шака-а-ла-а?! — фальцетом, нараспев, вдруг закричал чернявый с пистолетом. — А-а-а!!!

Грохнул выстрел. Мощная пуля ударила Лоскуникова в грудь...

КАПИТАН милиции Тимонин, старший эксперт-баллист областного управления внутренних дел, озадаченно наморщил лоб и вновь прильнул к окулярам микроскопа, уже с нарастающей тревогой. Чертыхнувшись, резко поднялся из-за стола, выудил из заднего брючного кармана, путаясь в прилипающем к брючинам халате, увесистую связку ключей. Самым маленьким отпер замок-стопор металлического шкафа-картотеки.

В верхнем отделении лежали кое-какие остатки содержимого двух или трех разукомплектованных криминалистических чемоданчиков и главное сокровище баллистиков: шикарно изданный в «махровые застойные годы» двухтомник «Револьверы и пистолеты». С суровым грифом «Для служебного пользования» и порядковым номером экземпляра.

Каждый раз, листая справочник, Тимонин недоумевающее хмыкал — для какого еще «пользования» он может согдиться, но потом уверил себя, что гриф двухтомнику присвоили с единственной целью — дабы защитить от букинистического прилавка. Ярый библиоман оторвал бы с руками.

Тимонин раскрыл справочник на нужной странице. Через минуту, вновь пробравшись к своему столу, еще раз заглянул в микроскоп. Оторвавшись от окуляров, довольно крикнул и нежно погладил раскрытый том. Но тут же лицо эксперта помрачнело, ибо чувство удовлетворения не всегда бывает бальзамом для души, а вполне может создать дополнительные увесистые трудности. Как сейчас, например.

Тимонин тяжело вздохнул, потянул белую прямоугольную трубку «Телекома»:

— Игорь Степанович, это Тимонин. Тут у меня новость по вчерашнему убийству на дачах в Кручине. Систему оружия удалось установить точно — пуля деформирована слабо. И вот тут-то, Игорь Степанович, самый цирк и начинается! Пуля не самоделка, как сначала подумали. Как и «ствол». В общем, это стандартный армейский «кольт» сорок пятого калибра, в смысле, 11,43 миллиметра... Да, штатовская армия и других стран НАТО, частично полиция у них вооружены... Что? Ну, при чем тут, Игорь Степанович, Голливуд! Вы сами зайдите и гляньте! Факт — «кольт». И стандартный патрон применялся — 45 АКП. Экзотический для наших мест «ствол». Из него и убили...

«ВЕРТУШКИ», основательно обработав кишлак «эрэсами», пятнистыми шуками с клетотом и звоном пронесли над головой. Красные, неизменно плотные клубы пыли еще стояли стеной, когда первый «броник» нырнул за разваленный взрывчаткой дувал. Олег с ребятами шел на родной, четвертой «броню». Ротный проорал, чтобы глубоко не совались — «духам» и «эрэсы» нипочем. «Особенно, если они тут вообще были!» — со злостью мелькнуло у Олега в голове.

«Духи» были. Двое бородатых навзничь раскидались у опрокинутого и покореженного ДШК.

— По вертушкам били, суки! — выругался кто-то рядом. Леха, вроде.
— Какого х... столбами торчите, мать вашу! По сквозняку в башках со-
сучились!

Это «бугор». Сержант Поляничко или Юрка-комод. Комод — потому что командир отделения, а еще — потому что квадратный...

Долбануло у самых ног! Очередной внутренний монолог на этом и оборвался. Откуда летело, сразу и необразишь. Олег и Леха кубарем скатились в воронку, к мертвякам-пулеметчикам. Уж лучше такая компания здесь, чем там — перед очами Аллаха!

«Духовский» пулемет лупил с прежней настырностью. С «брони» отгавкивался «владимиров», лениво и бестолково, вслепую.

— Откуда же этот хрен моржовый палит?! — Леха, как всегда, терял терпение на первой минуте первого тайма. Он заелозил наверх, желая осмотреться, непроизвольно оттолкнувшись ногой от ближайшего к нему трупа. Мертвец от толчка чуть сполз вниз, что-то металлически звякнуло.

О, это был крутой трофей! Когда еще в Кабуле кантовались, и была с неделю чистая лафа, по вечерам в клуб-палатке интендантский прапор за чеки видак крутил. По боевичкам Олег такую «машинку» оценил. Любимая пушка Арнольда, которой он в «Коммандо» орудовал! Класс! Вот он, знаменитый «кольт» — и школьных обрывков «инглиша» достаточно, чтобы четкую надпись на затворе схватить.

Олег с восторгом прикинул пистолет в руке, обернулся к Лехе...

Дальнейшее произошло мгновенно, всё разом, кучей. Так и перемешалось в голове. Наверное, все-таки это снайперюга из «зеленки» подкараулил. Лехины мозги и кровь брызнули Олегу в глаза...

Потом всё, как не с ним. Что-то орал, в основном матом, стрелял в «зеленку», тащил на «броню» Леху, снова стрелял... Потом подоспели «вертушки», а их отвели на «базу»...

И только там, немного очухавшись, Олег добрался до трофея. По идее, дальнейшие действия рядового Мельникова должны были быть просты, как мычание. Доложить по команде, сдать и тэдэ и тэпэ. Но случилась еще пара заварушек, а потом сдача стала проблемной по причине просрочки времени. Что прямо пропорционально повышало профессиональный интерес к рядовому Мельникову со стороны капитана Мызгина из особого отдела. Желания общаться с последним никогда ни у кого не обнаруживалось, в чем и Олег не был исключением. А вот желание обладать столь клёвым фронтовым трофеем вообще снимало все вопросы и душевные метания. Впрочем, с оными как-то обошлось. Так и прижилась «машинка» у Олега. Понятное дело, молчком. Когда сам ни гу-гу, то кому ты на хрен сдался, рядовой Мельников!

А Леху проводили в Союз на «черном тюльпане». Груз «200».

Ну, а через восемьдесят четыре дня — всё! Край!! Домой!!!

Из Афгана выходили на «броню». Нормально вышли, без крови. И шмон

на родине был лажовый: братва чего только не принатырила... И стволы, и «лимоны». Сувенирная память! В общем, домой в Читку, «кольт» доехал. На «паровозе», под присмотром хозяина. Ништяк!

Полгода, правда, вместо головы дурилка была — во сне такое увидится, что вскакиваешь и орешь идиотом. От резких звуков — по привычке к земле... На траву поначалу вообще не ступалось, потом, с опаской, привык. Или, наоборот, отвык, наконец? Нет, сейчас норма. Так, иногда...

СВЕТЛАНА Васильевна, когда Дима Писаренко встретился с ней в самый первый раз, впечатление произвела! Эффектная, почти что натуральная блондинка с неплохой фигурой и ногами от ушей. Зеленые глаза, не лишенные волнующего блеска даже посреди кабинетной казенщины прокурорского интерьера, где Дима со Светланой Васильевной и встретился. Естественна, сексапильна. Это Дима в первую очередь зафиксировал. «Умеет себя перед мужиком подать без каких-нибудь дополнительных усилий», — подумал с удовлетворением, радостно себя обнадеживая.

Очень быстро выяснилось: надежды, питающие юношей, иллюзорны. Деловые — правильнее будет сказать, сугубо служебные, — отношения следователя областной прокуратуры Светланы Васильевны Алейниковой и оперуполномоченного уголовного розыска УВД капитана милиции Дмитрия Сергеевича Писаренко за минувшие после их первой встречи два с лишним года ни в какие другие не перешли.

С легкой грустью размышлял об этом Дима, в очередной раз сидя в уютном, заваленном бумагами в картонных папках и без оных, темном и холодном кабинетике-чуланчике Алейниковой. Следя за длинными, намагниженными пальцами СВ (так Дима про себя уже с год называл хозяйку кабинета), извлекающими из сигаретной пачки очередную «стюардессину», капитан Писаренко мысленно делал печальные, с лирической точки зрения, выводы: его надежда лопнула, как воздушный шарик, в который беспардонно ткнули (ткнула!) горящей сигаретой.

Его выводы наполнялись истинным трагизмом, потому как недавно Дмитрий бросил курить. Отрезая себе пути к отступлению, даже поспорил на сей счет со своим приятелем и коллегой Сергеем Поповым. На бутылку «Наполеона». Понятно, что индивидуально тратиться на «кусачий» французский коньячок, гордо возвышающийся на витрине «комка», оба не имели ни малейшей потенции. Вернее, финансовой возможности, хотя вождельный «Наполеон», в силу своего разлива на польской территории, цену имелкратно меньшую, чем оригинал из мушкетерской страны.

В общем, каждый крепился, демонстрируя незаурядные волевые качества, по поводу чего коллеги заключивших пари выражались в различных вариантах, но по смыслу одинаково: эту бы энергию да в мирных целях — для пользы оперативно-розыскной деятельности, стало быть. Одновременно при каждом удобном случае Дмитрий и Серега всячески провоцировали

друг друга «на предмет табачной слабости». В глубине души каждый с нетерпением ждал мгновения «прокола» товарища, но не ликования ради, а того для, чтобы с наслаждением и глубоким чувством исполненного долга торжественно приобрести пачку любимых сигарет и за-тя-нуть-ся!

Но пока ожидание светлого мига больше смахивало на прогрессирующую паранойю. И этим нарастающим «заболеванием» объяснялись все беды и проблемы. Безусловно, что весь курящий «контингент населения» относился теперь к категории отрицательной части человечества, из-за которой все беды. И предмет безутешных Диминых вздыханий в лице СВ, к сожалению, тоже обосновался в категории зла.

Следя за тлеющим кончиком сигареты Алейниковой, капитан Писаренко старался убедить себя в том, что совместные потуги угрозыска и прокуратуры раскрыть убийство в дачном кооперативе «по горячим следам» оказались несостоятельными только из-за страшной никотиновой зависимости отдельно взятых прокурорских работников.

Личность убитого была установлена, но каких-либо зацепок это пока не дало. Иван Семенович Портнягин прожил самую обычную жизнь. Оставшуюся до пенсии «семилетку» так бы, наверное, и трудился прорабом в родном стройуправлении. По выходным — копался с домочадцами на четырех сотках дачного участка, сползающего с косогора у бурлящей Кручины, куда с супругой и младшей дочерью приезжал на выдавшем виды «жигуленке».

Подстать «копейке» была и дача. Нехарактерная для прораба СУ (у колхоза да не напиток?). Портнягины жили скромно, особенным достатком похвалиться не могли. Другими словами, версии о темных связях, как и корыстных мотивах преступления, у следствия отпали быстро.

Картина пока вырисовывалась такая. Погибший вечером, видимо, прямо с работы, поехал на дачу, полить зелень. Где-то по дороге посадил попутчика или попутчиков. Убили Портнягина в машине, за рулем. Судмедэксперт заключение вынес однозначное: выстрел в упор, срез ствола оружия был почти прижат к одежде убитого. Стреляли в грудь, но под значительным углом справа, почти в горизонтальной плоскости. То есть, с переднего пассажирского сидения. Баллистики из ЭКО о том же самом. И еще о мощности оружия: крупный калибр, солидный заряд — во входное отверстие на теле палец свободно войдет, а выходное повреждение на спине, вернее, почти в левом боку — вообще рана жуткая. Пистолетную пулю потом в «Жигулях» найдут, а вначале, при осмотре обнаруженного трупа и вскрытии, сходились на крупном охотничьем калибре и самодельной пуле-жакане.

Вишневую портнягинскую «копейку» обнаружили в Дарасуне. Стояла за деревянным зданием местного вокзальчика. На переднее сиденье был наброшен кусок брезента: севший за руль преступник постелил, чтобы не измазаться в крови, которой на водительском месте было в избытке, как и в

багажнике автомобиля. Значит, труп еще некоторое время убийца или убийцы везли с собой, а уж потом бросили в кусты неподалеку от дачного кооператива. Скорее всего, Портнягин сказал своим пассажирам, что будет сворачивать с трассы на дачу, потому вынужден их высадить. Вот тогда-то и прогремел роковой выстрел.

Заезжали преступники по дороге от Кручины до Дарасуна куда-нибудь или напрямик до станции проскочили — узнай попробуй. Но машину не грабили. Доехали до перрона и бросили. Опаздывали на поезд или нарочно к вокзалу подкатили? Откуда у них такой экзотический «ствол»? Куда делась гильза? «Колт» 45 калибра не револьвер, гильзу при выстреле выбрасывает. Вопросы, вопросы, вопросы...

Дима тяжело вздохнул и, дождавшись, когда «прокурорша» дочитает заключение Тимонина о пуле, выковыренной из левой стойки «жигуленка», спросил:

— Что скажете, Светлана Васильевна? Как вам такой сюжетик?

— А может, это и к лучшему, — со своей обычной сухостью ответила СВ, глядя сквозь Диму. — Американских пистолетов у нас, хотя бы пока, явно меньше, чем охотничьих ружей. Вам и карты в руки, Дмитрий Сергеевич. Надеюсь, что последнее обстоятельство учтено вами в плане розыскных мероприятий?

Капитан Писаренко еще раз тоскливо повторил про себя сделанный вывод о причинно-следственной связи воздушного шарика и горящего окурка...

ОЛЕГ Мельников призыва был весеннего, соответственно наступил и «дембель», но родительские надежды, что по осени Олег сумеет поступить в политехнический, хотя бы на подготовительное, оказались чересчур оптимистичными. Куда там! Короче, как устроился летом, с помощью бати, слесарить в ПАТП-2, проще говоря, в городской таксопарк, так и продолжал пролетарить уже третий год. На «политене» поставил крест — тягаться на вступительных со свежими выпускниками средних школ не получилось. Поэтому родительские иллюзии об институте угасли окончательно, что Мельникова-младшего в душе и не грызло.

Афган вообще избавил Олега от иллюзий. Былые мечтания вчерашнего школьника остались там, на кручах Саланга. Как и многое другое. Идеалы, там, разные, понятия о черном и белом...

Общительностью Олег и раньше не отличался. И теперь больше любил у отца в гараже с железками возиться. Неполный год после школы до армии тоже пролетел бестолково: на курсах в ДОСААФе немного позанимался — не понравилось, бросил. Батя устроил в ремонтные мастерские, потом на автосборочный в ученики... Когда повестку принесли — Олег даже обрадовался.

Военно-патриотического задора заметно поубавилось, стоило стриженной пацанве очутиться в «учебке». Она оказалась от дома далековатенько

— под Ташкентом. Четыре месяца в пыльном и прокаленном жаром гарнизоне километрах в семидесяти от Города Дружбы Народов. Но красоты «звезды Востока» так и остались неисследованными. Душной ночью тревога сорвала с липкой простыни, лихорадочные сборы, от которых слетела вся кожа на костяшках пальцев (кто придумал такие ручки у деревянных патронных ящиков?), изматывающий марш на ревущих в бесконечной колонне «сто тридцать первых» ЗИЛах...

Сумасшедшая ночь завершилась на необозримом военном аэродроме у пузатых транспортных «АНов». Внушающая крепкий оптимизм плотность заправки желудков, которой завершилось несколько часов ожидания близ аэродромной бетонки, приказала долго жить после первого часа болтанки в самолетном брюхе. Потом кишки просто бились друг об друга прямо-таки с жестяным грохотом: самолет лез через горные хребты, ухая в воздушные ямы и содрогаясь всеми своими железяками. Дубарь в поднебесье тоже оказался изрядным: шинельную скатку раскатал самый ленивый. Наконец, сели где-то. «Где-то» оказалось Кабулом...

Афган Олег вспоминать не любит. Может быть, потому и отстранился от братвы, вернувшись домой. После гибели Лехи, единственного для Олега боевого друга, так ни с кем и не завязалось чего-то крепкого. В Чите однополчан не знал, да и не стремился узнать. Вообще приходили, звали в клуб, еще ассоциацию или союз там какой-то создают. Нет, хватит! Чем быстрее забудется, тем лучше... И свое удостоверение о льготах засунул подальше — впереди женщин с детьми к прилавку лезть?.. Медали «За отвагу» и афганская, которая якобы от «благодарного народа», где-то у матери в шкапулочке, с его роддомовскими клеенчатыми бирочками.

Редко, когда Олег оставался в квартире один, он залезал на антресоли и вытаскивал из-под груды барахла вороненый афганский трофей. Но «кольт» все чаще и чаще напоминал ему чемодан без ручки: быть его хозяином, что сводилось к такому, вот, тайному любованию «машинкой», былой радости уже не приносило, а избавиться, попросту выбросить пистолет, дабы не играть с законом в кошки-мышки, — жалко. И снова прятал увесистый сверток под старье.

Определенные взгляды на трофей стали зарождаться у Олега через несколько месяцев после знакомства с Леной.

В минувшем сентябре это произошло. Если быть точным, в воскресенье, 9 сентября одна тысяча девятьсот девяностого года. В день рождения Влада Орехова, одноклассника Олега.

Столкнулись с Владом совершенно случайно накануне, в пятницу. Мать почувствовала себя плохо, Олег поспешил в центр, в единственную дежурную аптеку, купил лекарство и топал через площадь на троллейбусную остановку — на «единичку» и домой, в Северный. И тут навстречу — веселая, шумная кучка «фирменных» мальчиков и девочек. Явно на ресторан «Забайкалье» нацелены. Азимуты пересеклись — притормозил, пропуская.

— Ба, Олега! Ты? — долговязый парень, стряхивая с плеча девичью руку, шагнул к Мельникову. «Вареный» с головы до ног, обутых в белоснежные фирменные кроссы «Найк». Только тут его Олег и признал — Орехов Влад. Владислав. С шестого класса учились вместе. Последний раз на выпускном виделись.

— Старик! Смертельно рад! Где пропадал? — затараторил бывший одноклассник. Олег молча пожал узкую и вялую ладонь, неопределенно пожимая плечами.

— Владик! — Из-за плеча Орехова ленивой кошкой выглянула одна из девиц. Мордашка, вроде и ничего, но столько косметики Олег не любил. Взгляд девицы прошел сквозь Олега, как через пустое место. — Владик, мы так вообще не попадем...

— Лю, я тебя умоляю, не надо нервов. — Небрежно-манерный тон Влада для Олега внове. Раньше, в школе, не виден, не слышен был одноклассничек.

— Олега, — тем не менее заторопился Орехов, — извини, старик, накладка нынче... Обещал, вот, бабцов в кабак стаскать. Может, с нами, а?

— Да нет, срочно домой надо, — Олег показал однокласснику пакет с лекарствами. — Как-нибудь в другой раз.

— Понимаю, старик, молодец! Предкам привет от меня... Кстати, в воскресенье гуляем мои амманины, так что на ловца и зверь! Давай, старик, как штык! Живу там же, к шести жду. Железно? — Влад просящее заглянул в глаза. — Подгрейбай. Мои будут рады. Тем паче — сабайтуйчик без тусовни, — это Влад явно для наостривших ушки «бабцов» кинул, — по-домашнему: па, ма, да мы с тобой, ну, разве еще пара-тройка гостей из ближнего кружка, а? Посидим, побазарим — как и что за эти годы, а? Хоп?

«А почему бы и нет?» — подумалось Олегу. Насколько он помнил, отец у Влада, преподававший в пединституте, мужик был с юмором, интересный собеседник, с которым разница в возрасте не ощущалась. Да и хотелось просто посидеть, для души. Влад же был оттуда, из золотых школьных деньков, из поистине сказочного прошлого, где не еще никто ничего не знал, где не было той большой лжи, крови и дуроты, которые пришли позже. С афганской желтухой и улетающими в Союз «черными тюльпанами»...

И в воскресенье Олег пришел к Владу, захватив в качестве презента «новорожденному» японскую пьезозажигалку — единственный оставшийся «дембельский» сувенир. «Кольт-45», естественно, не в счет.

Подарок был оценен. Олег оказался в центре внимания, чего он не любил, но зато, когда застолье, а оно оказалось действительно по-старому чинным и домашним, подошло к логическому концу, Лена позволила Олегу проводить ее.

Лена... Олег сразу обратил на нее внимание. Красивая! Подруга Тани — по разумению Олега, невесты Влада. Это, кажется, было уже делом решен-

Это была демOVERсия книги - Петров О.Г. Кольт 45-го калибра: повесть

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34